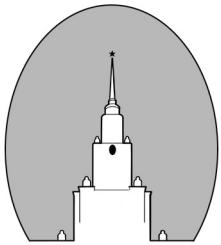

Сборник рассказов

ЗВЕЗД ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

МОСКОВСКИЙ ДЕТЕКТИВ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М82

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Я. Клыга*

Московский детектив : рассказы. — Москва : М82 Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197205-9

Москву недаром называют Новым Вавилоном. Множество языков, человеческих судеб и страстей пересекаются в этом удивительном городе. Но порой столкновение традиционного уклада, радушия, гостеприимства и жестоких законов современной жизни приводит к неожиданным последствиям... Все тайны и загадки столичной жизни раскрывают в своих остросюжетных рассказах признанные мастера детективного жанра — Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна Гармаш-Роффе, Анна Князева, Евгения Михайлова, Марина Крамер, Анна Данилова.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197205-9

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

• СОДЕРЖАНИЕ •

Татьяна Устинова
ВОЛШЕБНЫЙ СВЕТ
7
Татьяна Гармаш-Роффе
ЧУДО ДЛЯ НИНЫ
71
Анна Князева
В МЕРТВОМ ДОМЕ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ
134
Анна и Сергей Литвиновы
«ГРАН-ПРИ»
168
Евгения Михайлова
БОЛОТНЫЙ ГАЗ
203
Марина Крамер
РУМБА НА МОСКОВСКОЙ БРУСЧАТКЕ
237
Анна Данилова
ИСКУПЛЕНИЕ
273

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

• ВОЛШЕБНЫЙ СВЕТ •

Я стою в ожиданье,
Когда вы вернетесь домой,
Побродив по окрестным лесам.
Очень долгим он кажется,
Ваш выходной,
По земным моим быстрым часам!

Ю. Левитанский. Ожидание

— Тата? Таточка, это ты?

Она чуть не уронила мобильный. Чашка с кофе, которую она элегантно держала на весу, на блюдце не ставила, накренилась, и кофе выплеснулся на юбку.

— Черт, вот черт возьми!

— Таточка, к чему ты поминаешь черта?

Тата, кое-как приткнув чашку на стол, пятерней стряхивала коричневые пятна с тонкой светлой ткани. С каждым движением получалось все хуже и хуже, пятна расползались и приобретали хвосты, как кометы.

— Тата, ответь мне! Я туда попала или я не туда попала?!

Тата, плечом придерживая трубку, заскулила жалобно:

— Бабушка, почему ты звонишь с какого-то странного телефона?

В трубке помолчали, а потом сказали тоном оскорбленного царственного достоинства:

— Почему со странного? Я телефонирую с совершенно нормального аппарата! По крайней мере, на вид он совершенно обычный!

— Кто?!

— Телефон, — пояснили в трубке. — А что ты имеешь в виду, когда говоришь, что телефон странный?

Тата шумно выдохнула и перестала отряхивать юбку. Теперь по дороге на совещание придется прикрывать пятно ежедневником, словно ей так удобно — носить ежедневник на бедре, как индийская женщина кувшин.

— Бабушка, что это за номер? Ты что, не дома?

— Ну конечно, нет, моя дорогая.

— Господи, куда тебя понесло?

В трубке фыркнули, но и фырканье было царственное.

— Сегодня рождение у Юлии Цезаревны, разве ты забыла?

Тата понятия не имела, когда именно день рождения у Юлии Цезаревны, лучшей бабушкиной подруги.

— Ты, конечно же, поздравишь Юлечку, когда я передам ей трубку, но, Тата, я звоню по совершенно другому поводу! Ты помнишь, что сегодня пятница?

— Смутно, бабушка, — пробормотала Тата. Проклятые пятна на юбке не давали ей покоя, и она все косилась на них, прикидывая, как именно можно минимизировать потери. Может, перевернуть юбку задом наперед?

Нет, выйдет еще хуже. Тогда пятна будут сзади, что уж совсем... неприлично.

— Что значит смутно? Если ты смутно помнишь такие вещи, значит, тебе нужно принимать специальные капли для головы. Они продаются в аптеке. Я принимаю, и, слава богу, у меня с памятью все прекрасно.

— Прекрасно, — эхом повторила Тата.

— Так вот. О чем я говорила?.. Ты меня сбила, и теперь я не могу вспомнить, о чем говорила. Решительно.

— Ты сказала, что сегодня пятница, бабушка.

— Ах да! Вот именно, сегодня пятница. О чем нам это говорит?

— И о чем нам это говорит?

— Это говорит о том, что вчера был четверг, а нынче нужно ставить куличи.

Тата взялась рукой за лоб.

Куличи! Вчера и вправду был Чистый четверг, и как это она позабыла? Ей срочно нужно принимать капли для головы.

— Надеюсь, — продолжала в трубке бабушка, — мы все соберемся у тебя, как обычно. Ты, конечно же, всех обзвонила, Таточка?

— Конечно, конечно, бабушка! — лживым голосом поклялась Тата.

Вот почему для бабушки не имеет значения, что тебе сорок лет, что ты вроде бы успешная женщина, много повидавшая в жизни, кажется, даже на грани развода, мать двоих детей, требовательный начальник, исполнительный подчиненный, умница-разумница и просто красавица?!

Когда звонит бабушка, хочется одернуть передник, посмотреть, все ли в порядке с косами, не растрепались ли, вымыть руки, на всякий случай приготовить дневник и быстренько придумать, что бы такое соврать половчее, если бабушка станет спрашивать, ходила ли она вчера на музыку!..

— Тогда все в порядке, — величественно проговорила бабушка. — А я думала, ты забыла и опять все заботы лягут на мои плечи. И я искренне надеюсь наконец-то застать дома твоего мужа. — Это было сказано с нажимом, с намеком, с дальним прицелом и еще черт знает с чем. — Если он не понимает, скажи ему, что это становится неприличным! Не заставляй меня ему звонить.

— Не надо ему звонить, — быстро сказала Тата, — что ты, бабушка!

— Юлечка, иди, дорогая, Таточка хочет тебя поздравить с рождением.

— Таточка не хочет, — пробормотала Тата мимо трубки, чтобы бдительная бабушка не услышала, и тут же возликовала, уже непосредственно в трубку: — Юлия Цезаревна, дорогая Юлия Цезаревна, я вас поздравляю с днем рождения! Живите до ста лет...

— Чего это ты мне так мало отмерила? — немедленно вспылила Юлия Цезаревна. — До ста! Что тут до ста осталось-то? Я и замуж не успею сходить!

Кое-как отделавшись от старух, Тата позвонила матери:

— Мама, сегодня пятница!

— Я знаю, она мне утром звонила. Она сегодня на именинах. Спрашивала, кто будет обзванивать родственников.

— А ты?

— Я сказала, что обзвоню.

Тата пришла в отчаяние:

— А я сказала, что я уже всех обзвонила.

— Врать нехорошо, — подумав, сказала мать. Она что-то смешно жевала, в трубке хрупало, как будто кролик пасся.

— Мама, ты жуешь, как кролик! А зачем ей дался мой муж? С этим надо что-то делать, потому что его точно не будет, и я даже не знаю...

Хрупанье прекратилось.

— Как не будет? Опять не будет? На Новый год не было, на Восьмое марта тоже не было и опять нет?! Таточка, ты от меня что-то скрываешь! Говори сейчас же.

— Мама, — сказала Тата твердо. — Я ничего от тебя не скрываю. Просто у него много дел, ты знаешь. Сначала он в Милан улетел, потом в Улан-Удэ, а сейчас, кажется, в Югорске. Или нет, нет, в Ханты-Мансийске.

Мать помолчала.

— Тата, вы что, разошлись? — спросила она дрогнувшим голосом. — Ведь происходит что-то такое... ужасное, я же чувствую! И Тёма на себя не похож, и Тюпа!

Тёма и Тюпа — великовозрастные сыновья Таты — бабушке представлялись младенцами в люльках, которых надлежало укачивать, кормить с ложечки и оберегать от всяческих жизненных невзгод.

— Никто ни с кем не разошелся, — бодрым фальшивым голосом уверила врушка Тата. — Мам, я сейчас пойду отпрашиваться с работы и постараюсь вечером приехать пораньше. И как это я забыла про то, что вчера был Чистый четверг! И главное, почему всегда я? Почему у Шуры никто никогда не собирается? Пусть бы Шура пекла и отпрашивалась с работы!

Шурой звали двоюродную сестру.

— У Шуры? — переспросила мать. — В Марьино?

Это верно.

Собрать в Марьино всех родственников, коих в разные годы насчитывалось до двадцати человек, напечь на всех куличей, наделать пасхальных пирогов, творогов, окороков, да принять,

да накормить, да уложить, да ухаживать весело, от души, так, чтоб Пасха на самом деле зажглась веселым, утешительным светом, — где это видано?! Да и не поедет никто в Марьино! Все давно привыкли собираться в Боженке, в огромном, старом и бестолковом доме Татиного мужа. Пожалуй, никто из родственников и не помнил, когда собирались у бабушки на Тверской или в доме Татиных родителей в ближнем пригороде, где вокруг были только научные институты за заборами да свекловичные поля до горизонта!

— Таточка, — говорила тем временем мать, — я сегодня приеду и тебе помогу. Ты можешь с работы не отпрашиваться, моя девочка. Я тесто сделаю, и мы вместе начнем печь.

— Ну да, — неопределенно согласилась Тата.

Все это отлично, но теста для куличей требовалось примерно ведро, и им обеим было совершенно понятно, что мать в одиночку это ведро не одолеет и все ее прекраснодушные предложения — просто так, чтобы дочь оценила ее готовность помочь, и больше ничего.

Конечно, никто не горел желанием отпустить ее с работы, да еще в конце недели, да еще перед Пасхой!

— Всего на полдня, — храбро улыбнулась Тата, когда Павел Петрович вопросительно поднял брови.

— Татьяна, — помолчав, внушительно заговорил Павел Петрович, пропустив мимо ушей упоминание про «полдня», — я, конечно, вас от-

пущу, но не могу сказать, что вы этой просьбой доставляете мне удовольствие.

— У меня там отгулов накопилось почти на две недели, — тут Тата улыбнулась обворожительной улыбкой, — и все материалы я сдала...

— Рекламная кампания набирает обороты, и мне хотелось бы, чтобы вы отследили ее ход, провели, так сказать, грамотный мониторинг, чтоб мы могли оценить рентабельность и внести коррективы в планы следующего квартала...

Тата слушала, кивала, время от времени записывала в ежедневник, который держала на бедре — сидеть при этом приходилось изогнувшись, как индийской женщине во время нанесения рисунков хной на подошвы ног!..

Вот далась ей эта индийская женщина!..

Она слушала, кивала, записывала и думала все время об одном и том же — жизнь не удалась.

В последнее время это стало совершенно очевидно.

Муж, которого месяц нет дома.

Тёма и Тюпа — дети — совершенно отбились от рук.

Лялька — собака — пребывала в грусти.

Ей самой на днях стукнет сорок.

Опять весна на белом свете, а кажется, только что была предыдущая весна, и в этой серой череде как будто невыспавшихся, тревожных дней особенно ощущается скоротечность времени.

И так пройдет вся жизнь, и ничего не оста-

нется, никаких шансов что-то поправить, изменить, прожить заново!

Почему весной особенно тревожно?..

— ...И при этом совершенно необходимо, — продолжал бубнить Павел Петрович где-то очень далеко, за поворотом сознания, — сохранить лидирующие позиции...

Тата знала, что он ее отпустит, но не откажет себе в удовольствии провести краткий лекторий, цель которого сводится к одному — тебе, матушка, в отгулы захотелось, а у нас тут работы невпроворот, ты это прочувствуй, прочувствуй хорошенько!

И как это она забыла про то, что вчера был Чистый четверг, а сегодня, следовательно, уже пятница?! Куличи нужно печь как раз в четверг, но Тата не придерживалась строгих православных традиций. Самое главное, чтоб куличи были и чтоб накануне Пасхи!

Конечно, начальник ее отпустил, и, чувствуя себя отчасти изменницей родине, отчасти предательницей корпоративных интересов, Тата вернулась к себе в кабинет и стала рассеянно собираться, прикидывая, что именно нужно купить по дороге. Получалось что-то очень много, а денег у нее было маловато.

В этот момент позвонил Тёма:

— Ма-ам?

— А-а?

— Здорово! Ты когда приедешь?

— Сынок, я сегодня пораньше. Меня отпустили с работы, я буду куличи печь. У нас в субботу гости.

— Вот е-мое! А какие гости у нас в субботу?

Тата вздохнула и завела:

— Родственники. Бабушка с дедушкой, прабабушка...

— С прадедушкой? — перебил непочтительный Тёма. — Наша прабабушка наконец-то завела себе прадедушку?

— Тём, — сказала Тата педагогическим голосом, — ну что ты говоришь?

— Я шучу, — пояснил сын. — Это такая шутка. Ты что, не въезжаешь?

— Еще тетя Шура, Аня, Сашка, Машка, дядя Володя...

— Е-мое!

— Лера, Сережа...

— Вот е-мое!

— Тём, мне надоело это дурацкое выражение!

— Мне тоже много чего надоело, — сказал сын угрюмо. — Особенно мне надоел этот придурок Тюпка! Мам, зачем он все время лезет в мой компьютер?

— Наверное, хочет поиграть.

— Не, а почему в мой-то?

— А потому, что у него нет своего.

— Своего компьютера у него нет, а свои родители у него есть? — осведомился сын. — Эти родители могут, в конце концов, купить ему от-

дельный компьютер? Ну просто для смеха, чтобы он не лез в мой?!

— Тём, давай мы с тобой об этом дома поговорим. Мне сейчас нужно ехать и еще в магазин забежать...

— Не, а почему он в мой-то лезет?

— А своего у него нету!..

И тут ее сын заржал — радостным мальчишеским смехом. В этом он был похож на отца. Тот никогда не умел всерьез раздражаться по пустякам, мусолить обиду, дуться, злиться!..

Самая продолжительная ссора с мужем длилась, помнится, пятнадцать минут. Из них минут пять они препирались, потом разошлись по разным углам, а потом он пришел из своего угла и сказал, что так невозможно, что он так не хочет и не умеет, давай скорей мириться!..

— Ма-ам!

— А-а?

— А может, ты, наоборот, сегодня попозже приедешь? У тебя на работе нет заседания или совещания? Или этого, как его, педикюра?

— Нет, — сказала насторожившаяся Тата, — а что такое? Ты опять назвал полный дом дружбанов и не предупредил меня?

— Назвал, — покаялся Тёма. — И не предупредил.

— Артём! Сколько раз я тебя просила!..

— Вообще-то я папе сказал, — сообщил сын делано безразличным тоном. — А он заявил, что будет тебе звонить и все передаст.

— Когда ты ему сказал?! Как?!

— Очень просто, по телефону! Он звонил, спрашивал, какие у меня планы на жизнь, ну, я ему и сообщил, что сегодня все придут — и Димон, и Влад, и Женька!

Тата помолчала, собираясь с мыслями.

— Он тебе звонил... сегодня?

— Ну да. Как только я из школы приехал. Я ему сказал, чтоб он тебе сказал, а он сказал, что скажет...

— А почему ты сам мне не позвонил?

— Ну, ма-ам, — протянул Тёма, — я же знаю, что ты будешь ругаться! А папа никогда не ругается.

В общем, все это шито белыми нитками.

Ее сын, как и все остальные в семье, чувствует неладное и пытается как-то нащупать почву под ногами. Ну, если родители не разговаривают, может, их хитростью заставить?!. Пусть отец скажет матери про дружбанов, что ли!.. Тёма его попросит, отец позвонит матери, и они о чем-нибудь поговорят, и болотная зыбкость, опасная для всякого, кто в нее наступает, станет чуть потверже и не такой страшной?..

Нет, Тёма взрослый и умный и прекрасно знает, что люди, бывает, разводятся, у них в классе половина родителей поразвелись, ну и что? Только к его, Тёминой, семье это не имеет никакого отношения. Не может иметь. У них все по-другому, и родители не такие, как все остальные, а особенные, молодые, красивые,

продвинутые! И однажды Тёма видел, как они целовались. Он вышел на крыльцо позвать собаку и вдруг увидел их под падающим снегом — они стояли и целовались, как малолетние, и это продолжалось и продолжалось, и Тёма, улыбаясь тонкой улыбкой умудренного жизнью старца, вернулся в дом, аккуратно прикрыл за собой дверь и даже Тюпку не пустил на улицу, заманил своим драгоценным компьютером, чтобы ребенок не мешал родителям целоваться под снегом!

А потом все кончилось.

Отец все время в командировках.

Мать все время на работе.

Только Тюпка все лезет и лезет играть на компьютере, придурок!..

Пообещав, что будет ехать долго, как можно дольше, чтобы Тёма успел замести следы, Тата вышла на улицу и вдохнула немного весны.

Весна в Замоскворечье пахла талой водой, автомобильным выхлопом и чуть-чуть вербой, уже надувшей трогательные пухлые щечки. Одинокая захудалая вербочка как раз притулилась возле суперсовременного крыльца, выложенного темным мрамором и облагороженного с двух сторон голубыми елями в кадках. Тата спустилась с крыльца и понюхала вербочку.

Ордынка шумела машинами, копошилась людьми, сияла огнями магазинчиков и ресторанов, где рано зажгли свет, и во всем этом мире верба все равно пахла весной.

— Уже уходите, Татьяна?

Тата открыла глаза — оказывается, она их закрывала.

Он стоял у нее за спиной и улыбался.

Он пришел к ним на работу совсем недавно, встречались они всего раз пять, и он Тате... нравился.

Он хорошо улыбался, хорошо выглядел, кажется, много знал, и на Восьмое марта, праздник всех трудящихся женщин, неожиданно принес ей мимозы. Не те, что продаются в ларьках или даже в роскошных цветочных магазинах вроде «Садов Семирамиды», а какие-то необыкновенные, невиданные и вовсе не похожие на желтые метелки, а вправду похожие на цветы, пахнущие сладко и остро. Они никуда не помещались, эти необыкновенные мимозы, топорщились, вылезали из всех ваз, и их бархатные листочки деликатно цепляли Тату за ноги, когда она проходила мимо, наконец пристроив их в ведро, выпрошенное у уборщицы Марьи Сергеевны.

Они были похожи на весну, только не московскую, остоженскую, а на южную, победительную и самодовольную, сиявшую сотней желтых пушистых шариков!

И Олег был похож на весну.

— Вы уходите или только пришли, Таня?

Тата неожиданно сообразила, что рассматривает его почти неприлично.

— Я ухожу, Олег, — и она состроила официальную улыбку коллеги и старшего товарища. — Мне сегодня нужно пораньше домой.